

Когда к нему возвращался рассудок, трагедия обычно уже свершалась, и исправить её было невольно!

— Пожалуйста, отдохните, Император! Ваш покорный слуга побудет здесь с Вами.

Дун Сянь желал лишь одного — чтобы Лю Синь как можно скорее поправился, а на раздумья о чём-то другом у него уже не оставалось сил.

— Мм! Не покидай Меня.

Лишь крепко сжав его руку, Лю Синь смог со спокойной душой закрыть глаза.

В самый момент его погружения в сон хрупкий, трогательный и беззащитный образ Дун Сяня вновь заставил его сердце забиться с прежней силой.

Я непременно должен найти способ обеспечить Шэн Цину ещё более надежную защиту и даровать ещё большую власть. Только так можно оградить его статус и безопасность...

Достижения на посту великого сына и генерала стражи кажутся вполне подходящими —

Вскоре в мыслях Лю Синя уже созрел чтением выверенный план, и теперь оставалось лишь претворить в жизнь свой великий замысел.

После долгих и мучительных раздумий «план» Лю Синя наконец воплотился в жизнь в декабре того же года: Дун Сянь был благополучно возведён в должности великого сына и генерала стражи.

Помня о недавних печальных примерах Бао Сюаня и Ван Цзя, чиновники гражданских и военных ведомств при виде столь абсурдного и грандиозного события по большей части лишь таили гнев, не смея произнести ни слова — они смертельно боялись расстаться с собственными головами из-за какой-нибудь оплошности.

Подобное положение дел чрезвычайно радовало Лю Синя.

— С чего это Император так весел? — прислуживавший рядом евнух Ван задал вопрос, прекрасно зная на него ответ.

В превосходном расположении духа Лю Синь был на редкость откровенен:

— А как думает евнух Ван?

В глазах евнуха Вана мелькнула едва сдерживаемая радость:

— Этот ничтожный раб глуп, но раз Император счастлив, то и раб его счастлив.

Это были слова, идущие от самого сердца: для него не существовало ничего более удобного, чем радость его господина. Поэтому он совершенно не обращал внимания на ходившие по дворцу слухи — до тех пор, пока дорогие его сердцу Император и А Сянь счастливы, любые цены и жертвы казались ему сами собой разумеющимися.

Но стоило Лю Синю широко улыбнуться, как в глазах у него внезапно потемнело, и ноги потеряли твердую опору.

— Император, Вы в порядке? — евнух Ван бросился поддержать его, и на его лице читалась искренняя тревога.

— Всё в порядке! Не поднимай шума, а не то Шэн Цин снова начнет переживать за Меня, узнав об этом.

Он ни за что не хотел вновь волновать возлюбленного без лишней нужды.

— Император, Вы... — евнух Ван был до глубины души растроган его глубокими чувствами.

— Ни в коем случае нельзя позволить Шэн Цину узнать о Моем состоянии, слышишь? — со всей серьезностью вновь и вновь повторял Лю Синь.

— Этот подданный повинуетя воле Вашей. Но прошу Вас, вернитесь в покои отдохнуть, а раб пошлет за придворным лекарем, чтобы тот осмотрел Вас и выписал целебные отвары для укрепления драгоценного здоровья.

Евнух Ван был уверен, что дело вовсе не в излишней мнительности: он ясно видел, что в последнее время приступы у Лю Синя случались всё чаще, а лицо его становилось всё бледнее...

Оставалось лишь молиться, чтобы это не оказалось какой-нибудь тяжелой болезнью. Евнух Ван вознес молитвы из глубины души.

В этот день, по окончании утреннего доклада, Лю Синь посмотрел на прелестный облик Дун

Сяня и внезапно полусхути произнес:

— Быть может, Мне следует уступить императорский престол Шэн Цину? Только так можно...

— Прошу Императора забрать эти слова назад! Отречение от престола — вещь абсолютно недопустимая. Ничтожный чиновник Дун Шэн Цин и без того отягощен тяжкими грехами и оскверняет устои двора. Просим Императора не позволить столь неверному и несправедному подлому льстецу запятнать величие и светлое имя Вашего Величества. Умоляю Вас, рассудите здраво!

Присутствовавшие сановники придерживались единого мнения: на прошлые дела можно было закрыть глаза, но нынешнее — совсем другое. Отречение от престола грозило потрясти основы государства и шло вразрез с законами Небес, поэтому они больше не могли сидеть сложа руки.

— Дерзость! Как вы смеете идти против Меня.

Изначально он сказал это лишь по наитию, в шутку, но кто бы мог подумать, что эти тупоголовые, слепые консерваторы воспримут всё всерьез и станут бесстыдно унижать его Шэн Цина! Какая же это крайняя мерзость — в чём только был виноват Шэн Цин?

— Мы все думаем лишь об Императоре и о Великой династии Хань! Умоляем Императора проявить пронзительность и, простив дерзость сего подданного, немедленно приказать казнить Дун Шэн Цина, дабы исправить устои двора и сберечь славное имя Вашего Величества.

Один из сановников, не страшась смерти, лишь подлил масла в огонь.

— Дерзость! Эй, стража...

— Император... не надо... — Дун Сянь вовремя успел остановить движение Лю Синя.

— Они так тебя оскорбляют, а ты всё еще заступаешься за них?! — Лю Синь был вне себя от ярости.

На беду, те не боявшиеся смерти сановники решили добавить еще словечко:

— Ничтожному льстецу Дун Шэн Цину не к чему лицемерить и строить из себя жертву, нам подачки от какого-то Дун Шэн Цина не нужны!

— Это уже чистой воды бунт! Стража... — Лю Синь от гнева окончательно потерял рассудок.

— Император... — видя, что отговоры не действуют, Дун Сянь в растерянности замер на месте.

А стоявшие вокруг сановники один за другим являли собой картины готовности принять смерть, и в их глазах читалась жгучая ненависть и презрение к Дун Сяню.

— Стража... — неожиданно у Лю Синя вновь случился приступ, на этот раз куда более тяжелый. Он вмиг лишился чувств и рухнул без сознания.

— Император! — Тут уж было не до распрей: министры резко переменились в лице и бросились поднимать Лю Синя, а Дун Сяня, словно какую-то грязную букашку, грубо оттеснили в сторону.

— Шэн Цин... — это были последние слова Лю Синя перед тем, как он погрузился во тьму.

Дун Сянь остолбенел от страха и так и стоял столбом в стороне.

Почему никто не сказал мне, что состояние Императора ухудшилось настолько?! Почему?!

Евнух Ван! — это имя мгновенно всплыло в его памяти.

Точно! Я должен отыскать евнуха Вана, немедленно!

Во дворце вновь произошли серьезные перестановки сил. Воспользовавшись тем, что Лю Синь лежал без сознания, род Ван воспользовался влиянием и посадил Дун Сяня под домашний арест в особняке великого сима, строго запретив ему приближаться к Императору хотя бы на шаг, равно как и передавать любые вести, касающиеся Дун Сяня. Более того, во избежание лишних осложнений, под замок в особняк великого сима отправили даже пользовавшегося высочайшим доверием главного евнуха Вана — для удобства надзора.

— Скажи мне, евнух Ван, когда именно болезнь Императора зашла так далеко? — безжизненно, словно деревянная кукла, спросил Дун Сянь.

Теперь скрывать правду было уже бессмысленно, и евнух Ван ответил:

— Здоровье Императора пошатнулось еще больше полугода назад, и с тех пор ему становилось только хуже. Но он боялся, что вы будете переживать, и запрещал кому бы то ни было упоминать о его недуге, поэтому...

— Поэтому даже вы, евнух Ван, скрывали это от А Сяня?! — в его голосе звучали горечь, гнев и немая укоризна.

— Это раб виноват, можете корить меня сколько душе угодно! — евнух Ван испытывал глубочайшие угрызения совести и раскаивался в содеянном.

— Евнух Ван, А Сянь не это имел в виду, А Сянь просто... — не договорив, он сорвался на слезы.

— Евнух Ван понимает, евнух Ван всё понимает... Евнух Ван на вас не сердится...

В конце концов старик и юноша обняли друг друга, утешая один другого. В их сердцах жила общая заветная мечта — лишь бы Император поскорее поправился.

Стоявший всё это время в стороне Чжу Сюй тоже искренне надеялся, что Лю Синь благополучно оправится от болезни, иначе беды для его маленького Сяня было не миновать...

Этой ночью Дун Сянь вновь не мог сомкнуть глаз, томясь по новостям от исчезнувшего Лю Синя.

Император, Вы непременно должны поправиться!

Он боялся вовсе не за то, как сложится его собственная судьба в случае дурного исхода, а искренне тревожился за самого Лю Синя — и это была чистая правда.

Лишь позавчера, воочию увидев, как смертельно бледный Лю Синь падает на землю без чувств, он со всей ясностью осознал свои истинные чувства!

Оказывается, он —

— Шэн Цин!

— А?! — знакомый и долгожданный голос прервал мысли Дун Сяня.

— Шэн Цин, отвори дверь! Это Я, Я пришел навестить тебя.

Дун Сянь в нетерпении обернулся и распахнул створки. Пред его взором предстал никто иной, как тот самый статный, властный и своенравный Император.

— Я что, сплю? — от избытка потрясения и неожиданности Дун Сянь не мог выговорить и слова.

— Шэн Цин, Я так скучал по тебе! Тяжело же пришлось тебе в эти дни!

Едва переступив порог, Лю Синь без лишних слов крепко-крепко прижал к груди своего возлюбленного.

Только теперь Дун Сянь окончательно поверил, что это не сон:

— Император исцелился?! Но ночь уже так глубока, неужели Вы тайком сбежали из дворца?!

— На какой же вопрос Шэн Цин хочет, чтобы Я ответил в первую очередь? — глядя на любимого человека, стоявшего так близко, Лю Синь испытывал неизъяснимое чувство счастья и полноты бытия.

— Не шутите с подданным, Император, я ведь и впрямь переживаю за Вас! Знаете ли Вы, как мне было тяжело, пока не было никаких вестей от Вас...

Дун Сянь даже не предполагал, что от нахлынувших чувств у него на глазах выступят слезы.

— Шэн Цин... Мой Шэн Цин... Прости Меня, Я не хотел мучить тебя нарочно... Я просто...

Лю Синь был глубоко взволнован, его голос странно охрип, звуча словно издалека:

— Только ты... Лишь ты один искренне переживаешь за Меня. Когда Я лежал прикованный к постели в беспамятстве, до Моего слуха то и дело доносились лишь разговоры о наследовании престола да о продолжении рода, а также грызня сановников за собственную выгоду. Ни один из них не побеспокоился о Моей жизни и смерти по-настоящему — и лишь Шэн Цин думал обо Мне. Даже если это простая жалость, Я всё равно бесконечно счастлив...

— Это не жалость! — со слезами в голосе возразил Дун Сянь, и в его тоне звучала твердая решимость. — Это не жалость. Лишь когда позавчера Вы упали без чувств передо мной, я понял: это вовсе не жалость, а...

— Шэн Цин... — Лю Синь от переизбытка чувств залился слезами, и руки, обнимавшие любимого, затряслись пуще прежнего.

Ничто на свете не могло принести ему большего счастья. До сих пор он думал, что его Шэн Цин находится рядом лишь по принуждению и жалеет его из сострадания к его положению. Кто бы мог подумать...

— О Небеса! Неужели это сон? — Лю Синь продолжал плакать, снова и снова повторяя те же слова.

— Нет, это не сон, решительно не сон, ваш подданный в ваших объятиях.

Ощущение безграничного счастья заставило Дун Сяня прослезиться так же, как и Лю Синя.

Любящие друг друга сердца слились в долгом объятии, словно пытаясь компенсировать и заполнить все те годы разлуки. Ни один из них не хотел — и не мог заставить себя — отпустить другого.

Прошлое проносилось перед глазами: от первой случайной встречи с бандитами за стенами столицы до мимолетного взгляда на людных улицах города, до той судьбоносной ночной встречи в Императорском кабинете и всего, что последовало за ней — всё это вереницей проплывало в их памяти, не желая исчезать.

Даже луна за окном, казалось, боялась потревожить их покой и в то же время благословляла эту встречу, излучая необыкновенно мягкий серебристый свет.

— Шэн Цин, это тебе!

Пока еще не забыл, Лю Синь достал принесенную с собой парчовую шкатулку и протянул её возлюбленному.

— Что это?..

— Императорская нефритовая печать. — Улыбка Лю Синя была нежной и очаровательной.

— Император... — Дун Сянь был поистине ошеломлен.

Воспользовавшись моментом, Лю Синь вложил шкатулку ему в руки:

— Возьми! Такова Моя воля. Эти пару дней, когда Я приходил в себя, Я только и думал о том, как защитить Шэн Цина, чтобы он всегда был в безопасности... В конце концов Я придумал этот способ. Пока эта печать у тебя в руках, никто не смеет тронуть тебя и пальцем, даже если со Мной что-то случится...

— Не говорите дурных слов, подданный не хочет этого слышать!

Стоило Дун Сяню представить, что Лю Синь может покинуть этот мир навсегда, как его охватывал панический ужас.

Лю Синь был глубоко тронут. Шэн Цин и вправду любит Меня, в его сердце больше нет недомолвок.

— Хорошо! Я не буду говорить, не буду, но Шэн Цин должен взять эту печать. Считай, что Я попросил тебя приберечь её для Меня, идет?

Его искреннее и глубокое заступничество не оставляло выбора.

— Этот подданный берет ее лишь на время!

— Мм! — Лю Синь улыбнулся так счастливо и безмятежно.

В этот момент луна на небосклоне начала постепенно бледнеть...

— Император должен вернуться во дворец, пока никто не хватился.

Дун Сяню было тяжело расставаться, но иного выхода не было.

— Да! Я еще приду навестить тебя, Шэн Цин. Но пока не ходи во дворец...

Он боялся, что те властолюбивые сановники воспользуются его болезнью во вред Дун Сяню; иначе разве мог он принять такое решение? Да и спешил обратно он лишь для того, чтобы не создавать возлюбленному лишних хлопот.

— Подданный понимает. Я буду тихо ждать здесь, пока Император сам не пришлет за мной во дворец. Поэтому Вы непременно должны поправиться, пообещайте мне, хорошо?

Непонятно почему, но перед лицом столь кратковременного расставания на душе было невероятно тяжело.

Если бы была возможность, разве стал бы Лю Синь расставаться с ним?

В тот момент, когда Лю Синь повернулся, чтобы уйти, Дун Сянь против воли тихо позвал:

— Император...

Лю Синь оглянулся на голос, одарил его проникновенной улыбкой и лишь после этого зашагал прочь.

Вернувшись в свои покои, Лю Синь с улыбкой на лице улегся в постель, намереваясь поскорее набраться сил, исполнить данное Дун Сяню обещание, поправиться и вернуться за ним во

дворец, чтобы их счастливый сон продолжался вечно.

Шэн Цин! Жди Меня, Я непременно скоро приду за тобой, мой самый любимый Шэн Цин!

С этой счастливой и безмятежной улыбкой он погрузился в глубокий сон.

Однако никто и предположить не мог, что из этого сна ему уже не суждено проснуться.

Когда по дворцу разнеслась весть о кончине Императора, Дун Сянь вел себя на редкость спокойно — ни паники, ни бурных эмоций. Он просто заперся в комнате и велел никого не пускать.

Он тихонько извлек ту самую парчовую шкатулку, которую оставил ему Император, и в памяти всё ещё звучали слова того дня:

Шэн Цин, послушай Меня: если со Мной что-то случится, эта печать непременно сбережет тебя в безопасности...

— Император, вы нарушили слово. Вы же обещали подданному, что вернетесь за мной во дворец!

Слезы неизвестно когда покатались по щекам, капая за воротник и смачивая шкатулку в руках.

— Вы нарушили обещание. Вы ведь говорили, что А Сянь и вы будете вместе навеки, вы же сами говорили это...

Что толку в нефритовой печати?! Что толку во всей ханьской поднебесной?! Разве могут они вернуть его Императора?! Если бы могли, он бы без малейших колебаний отдал их обеими руками.

Император...

— Сянь, Сянь, где ты?! Отзовись, стряслась беда, уходим со мной, Сянь...

Встревоженный Чжу Сюй повсюду искал Дун Сяня, надеясь увезти его подальше, пока та придворная свора не явилась «сводить счета».

— Сянь?! — с размаху распахнув дверь комнаты Дун Сяня, он замер, увидев лежащего в луже крови умирающего Дун Сяня.

Чжу Сюй бросился к нему и судорожно прижал к груди:

— Зачем же ты так глуп?

— Сюй, уходи скорее, не оставляй меня, иначе будет поздно.

Дун Сянь не был глупцом: он знал, что те люди не пощадят их. Пусть с ним самим было покончено, он ни за что не мог позволить втянуть в это невинного человека, особенно Чжу Сюя.

— Уходить так вместе! Я ни за что не сбегу один, бросив тебя! — с решимостью смертника выкрикнул Чжу Сюй.

Если он потеряет своего Сяня, к чему ему тогда еще хоть десяток жизней?

— Не говори глупостей, уходи же! Сюй, иначе мне станет еще тревожнее, и я буду чувствовать себя перед тобой виноватым... — с последними силами произнес он.

— Нет! Я сказал: уходим вместе...

— Я никуда не пойду.

Его тон был необыкновенно тверд.

— Я пойду вслед за Императором. Хотя он и был своенравным и властным негодяем, но в то же время больше всего на свете боялся одиночества. Я обязан составить ему компанию, иначе он будет горько плакать во мраке отчаяния и беспомощности...

— Ты и вправду любишь Императора? Не изнуряешь себя по принуждению и не из жалости? Ты и вправду любишь его — любишь настолько, что готов отдать за него жизнь?!

Чжу Сюй наконец прозрел.

Дун Сянь улыбнулся — нежно и чарующе:

— Я и сам понял это лишь в последние дни!

— Сянь...

— Ну всё, мне пора. Если не потороплюсь, то не успею за ним. Уходи же, не думай обо мне. И... Сюй, спасибо тебе за всё, что ты делал эти годы, и прости...

На этих словах у Дун Сяня совсем не осталось сил продолжать.

— Сянь, не умирай, умоляю, не умирай! — Чжу Сюй зарыдал в голос.

— Император... А Сянь идет за вами...

С этими словами Дун Сянь со слезами и улыбкой испустил дух.

Эта улыбка была самым прекрасным и трогательным зрелищем, какое доводилось видеть Чжу Сюю.

— Сянь...

О Император! Если выпадет мне новая жизнь, пусть перерожусь я женщиной — тогда смогу родить тебе целый дом ребятишек и построить самый шумный и счастливый очаг. Тогда ты больше не будешь одинок...

Таково было последнее предсмертное желание Дун Сяня.

Вскоре после смерти Дун Сяня присланный из дворца отряд окружил особняк великого сима. Во главе стоял вернувший себе власть Ван Ман.

За то, что Чжу Сюй телом защищал тело Дун Сяня, Ван Ман приказал казнить его.

Перед самой смертью Чжу Сюя перед ним неожиданно возник тот самый старый монах-провидец, что некогда отговаривал его ехать в столицу, и на лице его читалось глубокое сожаление.

— И зачем тебе было себя так истязать? Разве старый монах не предупреждал тебя? Но ты предпочел не послушать!

Чжу Сюй без единого упрека и тени сожаления улыбнулся:

— Я ни о чем не жалею. Не жалел в прошлом, не жалею и сейчас. Только...

— Коль есть что сказать — говори, пока старик жив. Всё, что в моих силах, я исполню!

Тогда Чжу Сюй медленно промолвил:

— Раз великий монах — провидец и мудрец, значит, вы сведущи в делах перерождения? У Чжу Сюя лишь одна просьба: пусть я перерожусь с воспоминаниями этой жизни, и непременно рядом со Сянем! И так — сколько бы жизней ни сменилось. Какую бы цену за это ни пришлось заплатить, я не пожалею ни о чем. Прошу монаха исполнить мое желание.

— Глупый мальчишка, к чему такие жертвы! — тяжело вздохнул монах.

Истинно гласят: озабоченные любовью люди безумны от начала времен!

— Монах, умоляю, сжальтесь, позвольте мне переродиться рядом со Сянем, сохранив память об этой жизни! — из последних сил умолял Чжу Сюй.

Старый монах лишь покачал головой:

— Эх, ну и упрямец же ты! Хорошо, старик согласен. Но какую именно цену придется за это заплатить, я и сам не ведаю — это уже вне моих сил. Всё еще настаиваешь на своем?

— Не важно! Я сказал: какую бы цену ни запросили, я приму ее без сожалений! — с непоколебимой твердостью повторил Чжу Сюй.

— Что ж... Ладно! Старый монах сделает всё возможное ради твоего желания. Ступай с миром.

С этими словами Чжу Сюй с улыбкой обнял заledenевшее тело Дун Сяня и испустил дух.

Сянь, сколько бы раз мы ни перерождались, сколько бы лет ни прошло, я непременно отыщу тебя. И на сей раз я никому не позволю приблизиться к тебе и причинить тебе зло! Сянь, до встречи в следующей жизни!

Предав тела земле, монах молча удалился, охваченный тяжелым раздумьем:

О любовь, скажи мне, что ты такое, раз заставляешь людей идти за тебя на смерть и в пламень!

Как же горько и пронзительно было безумие Лю Синя, Дун Сяня и Чжу Сюя...

<http://bllate.org/book/21157/2144445>